

18+

Александра Резник

A stylized illustration of a raised fist, rendered in a flat, graphic style. The fist is light orange and is positioned in the foreground, reaching upwards. On the tips of the fingers, there are small black circles containing white Cyrillic letters: 'к' on the index finger, 'в' on the middle finger, 'и' on the ring finger, and 'з' on the pinky finger. Behind the fist, a vibrant rainbow arches across the frame. The background is a bright blue sky, framed by a grey window frame with pink vertical bars on either side. The overall composition is centered and uses a bold, high-contrast color palette.

БАРБИТУРАТЫ

повесть

Александра Резник

БАРБИТУРАТЫ. Повесть

«Издательские решения»

Резник А.

БАРБИТУРАТЫ. Повесть / А. Резник — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981947-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Все 16 лет ты прожил как в тумане. Ненависть к своему отцу только крепчает в тебе с каждым днем, мать ты не видишь сутками, хотя и живешь с ней в одной квартире. Тебе понятна собственная обреченность, а отсутствие чувств ты пытаешься исправить причиняемой себе болью. Ты не помнишь, как давно привык каждый день глотать таблетки и как давно влюблен в девчонку, которую видел один раз в жизни. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-981947-5

© Резник А.

© Издательские решения

Содержание

Посвящение	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

БАРБИТУРАТЫ

Повесть

Александра Резник

Оформление обложки Кирилл Русланович Гаврилов

© Александра Резник, 2020

ISBN 978-5-4498-1947-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Знаешь, я все про себя давно поняла. И почему все так происходит, и зачем, и как. И почему я тогда чувствовала одно, потом другое, с продлением времени то счастье, то боль, боль, в конце концов, вперемешку со страданиями, истерики, нервные срывы и всякие противоречия. Мне это все ясно. Так бывает, когда ты начинаешь смотреть на себя со стороны, особо не углубляясь внутрь. Я давно не рискую. Я знаю, что там у меня глубоко, и окунаться туда однажды было чертовски плохой идеей, а возвращаться сродни самоубийству. И я знаю, почему сердце так ноет и плачет по Рязани, где я плакала рядом с есенинским домом и по Москве, где нас обнимал тамбур поезда, когда все казалось дальше – просто жизнь. И песенка тогда была легкой, но оба мы знали, что она нас в конец либо задолбает, либо убьет. Случилось скорее второе, правда? И мы, наверное, оба знали, что это нас заведет куда-то не туда, но, знаете, такое бывает, когда знаешь, что нихрена хорошего, но попробовать хочется. Я так однажды в детстве кусок мыла съела. Потому что оно вкусно пахло клубникой. Понимаете? Понимаешь ты или нет? Что как бы знаешь, что нельзя, но блин, как же вкусно пахнет. И единственное, чего я не понимала все это время – это что ты есть. И это было смыслом всего. Не знаю, была ли я для тебя загадкой, но разгадывать тебя было интересно, пока монополия не превратилась в казино. Понимаешь? Я уже никогда не пойму.

Глава 1

Если хоть одна сука еще хоть один раз скажет, что у меня трясутся гребанные руки, я этими гребаными руками не поленюсь врезать этой суке по ее физиономии. Налил бы кто-нибудь еще выпить. О боже, да, этой фиолетовой жидкости прямо в этот розово-оранжевый стакан. Пожалуйста, до самых краев, потому что я надеюсь больше не увидеть эту милую мордашку в толпе из темно-синих бледных танцующих парашников. Кажется, играет что-то по типу какого-то сраного диско, но мне слышится только вальс пианинный. Такой весь из себя «раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три»... И слова такие, едва можно разобрать. Самые главные. И я выпиваю что-то фиолетовое до дна.

«Ветер, солнце, песок – даже волосы дыбом встают»,
...два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два...
«Дорогая моя, я отсюда уйти не могу»,
...два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два...
«Ветер гонит пара, трубы гонят томительный вальс»,
...два-три, раз-два-три, раз-два-три, раз-два...
«В забалтийских морях музыкант провожает февраль».

Я все равно вижу твое лицо среди пар, но меня уже не волнует, честно. Я ставлю стакан на стойку насчет «раз», встаю насчет «два» и грубо и пьяно отодвигаю кого-то рядом плечом насчет «три». Люди вокруг меня сбиваются в какой-то плотный кокон, кружатся. Заматываются, как будто какая-то сумасшедшая старушка в один прекрасный день психанула, сидя у себя в кресле, и решила навязать шарфов из своих плотных сиреневых ниток на всю семью. Господи, как же все вокруг плывет, но быстро, с бешеной скоростью бросаясь мне под ноги, чтобы я споткнулся. Я слышу все: начиная от вальса, который завладевает моим мозгом и стучит в барабаны перепонки, и заканчивая глотками какого-то старого идиота со вставной челюстью. Но вижу я больше силуэты людей, это неважно, потому что сейчас я могу быть сосредоточен на единственной детали. Что волнует, притягивает, зовет. Твое прекрасное милое лицо, которое я, сука, терпеть не могу, господи. Ты невероятная. Я тебя ненавижу. Мои руки совершают бессмысленные движения вверх и вперед, чтобы высвободиться из душного кокона, рот раскрыт, потому что я очень хочу вдохнуть воздуха, а глаза наверняка готовы выкатиться из орбит, потому что я чувствую, как сосредоточен. Ты стоишь и смотришь прямо на меня. Твое милое чистое личико улыбается мне, а глазки слегка прикрыты. Ты почему-то тогда вечером решила нарядиться, и на тебе была такая очаровательная черная водолазка с бархатным воротом, большие золотые круглые серьги и широкие штаны клеш с блестящим ремнем. Такая, господи, маленькая, аккуратная, а так уверенно смотришь на меня, просто прелесть, как смотришь, своими карими глазками. Дорогая моя, я отсюда уйти не могу.

Таблетка щелкает в зубах, или, наверное, суставы в моей шее, на долю секунды закатываются глаза. Я знал, что когда открою их, ты все еще будешь мне улыбаться и смотреть и ждать, когда я к тебе подойду. Ждать, когда я буду близко к тебе, и чувствовать твои едва заметные духи, капли которых давно впитала кожа твоей шеи. И все вокруг все еще будет багряного цвета, таким, знаете, бардовым месивом, потому что пространство кружится под нескончаемое «раз-два-три, раз-два-три», и...и...и потому что я под секобарбиталом, конечно. Но я открываю глаза, и отчего-то теряю тебя в толпе. Вот же она, знакомая черненькая водолазочка, круглые серьги. Нет, только кажется. Да остановись ты, сраная толпа, дай мне... дай мне... Но они только ускоряются. Это же, твою мать, не спид, а всего-то навсего секобарбитал, черт возьми! Я снова толкаю кого-то плечом, грубо отодвигаю людей и верчу своей тупой башкой. Как можно

было на секундочку закрыть глаза и упустить ее из виду, придурок? Я чувствую, как потею, это нехорошо. Капли уже текут за шиворот розовой футболки, когда мои зенки бегают с лиц на лица так быстро, что любые другие зенки давно взорвались бы. Вот вроде бы... Да! Блеск щурых карих глазок, улыбочка, самая очаровательная, вот все это, оно дальше, чем было, все оно, но я все это отыскал!

– Кис! – я закричал, почувствовав, как мой крик мгновенно потонул в гуле. На самом деле ее звали Кристиной, и всем она представлялась «Крис», но мне разрешала себя называть «Кисой». Уж больно похожа на кошечку, такая она прелестная. Даже больше, чем Лиличка Брик.

– Кис-кис-киса! – я рвусь сквозь толпу, Киса улыбается, стоя на месте. Но я не приближаюсь, ни на миллиметр.

Я понимаю, что что-то не то, когда на меня сверху начинают капать капли чего-то фиолетового, проклятые потолки! Или это хозяйева бара так решили пошутить и разбрызгать на людей неон? Мне было плевать, потому что я тянул руки. Капли превращались в тонкие струйки, а люди рядом почему-то начали таять под ними. Это было прекрасной возможностью сдвинуться с места и начать совершать маленькие шажочки по сколькой поверхности, чтобы достичь цели. Струйки становились плотнее, словно кто-то кран решил включить, и случайно, блин, переборщил и затопил соседей снизу. Фиолетовый уже льется вдоль моих щек, заливаются в рот, когда я отчаянно пытаюсь кричать «Киса-киса-киса!». Я уже по пояс, это совсем не хорошо. Она тянет ко мне руки, оставаясь чистой, смотрит доверчивым ясным-ясным взглядом. Сейчас мы снова окунемся в жизнь друг друга, сплетемся пальцами, и больше я никогда ее не отпущу, даже под этим сиреневым бессмысленным дождем. И даже под этот сиреневый бессмысленный вальс. Все становится мутным в миг и расплывается – это значит, секобарбитал действует. И тогда ты растворяешься, дотягиваясь пальцами до моих. Я почувствовал, как ты дотронулась до них. И тогда уже наступило спокойствие, и можно было уже тогда уснуть.

Глава 2

Наверное, уже тогда я плотно сидел на этом дерьме. Я имею ввиду на таблетках, а не на любви. Не помню точно, сколько я сидел на них, должно быть, сколько себя знаю и помню. Это ведь просто мое тело, гораздо страшнее знать, что на любви я сижу примерно столько же. И на небе тогда сразу не красно-желтое варево и сотканная кольчуга из проводов, а такая легкая прозрачная паутинка с росой на ней, в коей отражается этот странный фиолетовый мир. А еще мне, кроме фиолетового, нравится Queen. И совсем неважно, кто там был пидором или не был, если эта музыка помогает мне спать. Совсем теряю суть беседы, да?

Сегодня мне надо встретиться с барыгой, прямо необходимо, жуть, как нужно. Тогда я встаю с кровати и задвигаю ее в стену. Моя кровать, знаете, она как огромный ящик в стеношкафу. Я иногда, даже когда лежу, сам задвигаюсь внутрь, если совсем невыносимо. Потому что казаться маленьким для самого себя и даже для комнаты – это круто. И потому что круто, когда вещи внутри тебя, и ты внутри вещей. Но, если честно, я бы не хотел «геморы», как у героев Паланика. Я надел тельник и потер разболевшиеся виски. На мокром подоконнике стоял ингалятор, который мне необходим по ночам, если я забываю открыть окно. Астма, знаете ли. Не уверен, что он мне только для этого нужен, ну и все равно. Плевать, сейчас мне нужна доза. Все какое-то невыносимое и идиотское вокруг, когда я не под кайфом. В моей комнате стоит клетка с моим крысенком, которого я называл Кошаком, а еще у меня укулеле есть. Я не помню как, но разбил его об стену, отчего гриф отлетел, и порвались нейлоновые струны. А на черных обоях у меня нарисован большой желтый круг, чтобы я казался мелочью снова, несмотря на то, что моя комната была, словно у Раскольникова – «размером со шкаф», понимаете? Она была огромной, на самом деле, я пытался ее такой сделать, просто утаить от реальности правду, потому что правда мне не нравится, а наркотики нравятся. Потому что это неправда. Считается ли, что ты, осознанно обманывая себя, зная прекрасно о правде, но не прибегая к ней, самый настоящий лжец самому себе? Потому что я каждый день делаю вид, словно у меня впереди целая жизнь, хотя на самом деле, мне осталось максимум года три. Устраивает ли меня это? Мне замечательно жить с мыслью, что я об этом не знаю.

Один мой друг увлекался игрой в казино, ему было всего 14 лет. Каждый сам убивает себя, как может и как хочет. Так вот играл он в это самое казино, поднимался на ставках. И как-то раз задолжал, просрал так много бабла, что ему пришлось выйти на улицу. Ничего хорошего не происходит, когда выходишь на улицу. Совершенно одни ошибки, ведь «зачем выходить оттуда, куда вернешься вечером таким же, каким ты и был, тем более изувеченным?». Конечно, ничего хорошего не произошло, потому что у него была цель, и все такое. Так вот этот самый друг подкараулил старушку у банкомата, подождал, когда она отойдет подальше, и ударил ее сверху на череп куском арматуры. Сказал, стало стыдно только через неделю. А мне не бывает стыдно уже давно, и не знаю, как это все прекратить.

Я одеваюсь странно, и вообще я весь из себя странный. Не помню, я был таким всегда или с какого-то момента солгал себе, что это я. Я подошел к зеркалу и повел рукой по черным волосам. Они короткие и крашенные, я не помню своего настоящего цвета. На мне дурацкая тельняшка и черные джинсы, потом джинсовка на плечах. Мне сейчас, как бы странно я ни выглядел, надо закинуться.

Коридор короткий и темный, моя комната в конце, а мамы нет дома. Но на холодильнике как обычно висит желтый стикер. Иногда мне кажется, что моя мать сама состоит из бумаги. Если это так, то мой отец в свое время играл роль ножниц, а все, что есть я – просто камень.

«Нейролептики в ящике»

Мне от ее заботы неловко, к тому же я нейрорептики пью, когда совсем тошно и просто нужно что-то кинуть, чтобы растворилось в желудке. На этот случай даже валерьянка с алкоголем будет куда ценней. Мать прекрасно знала, что я отбитый наркоман, но ей все равно, и меня это устраивает вполне. Да к тому же, я не считаю себя нариком, я слишком труслив, чтобы нюхать кристаллы кокаина или вмазываться.

Пока я шел по улице, было уже к вечеру. Цветик жила в соседнем районе, и я думал о том, что на самом деле, я сильнее, чем кажусь. Несмотря даже на то, что я безумно жирный. В нашей квартире нет весов, и очень темно, потому что тогда в зеркале хуже видно мое лицо и тело. Я много ем, и поэтому мое наказание – мое тело, которое я тогда уж лучше сгублю. И с этими мыслями я тогда ускорил шаг. Цветик жила на втором этаже не одна, а с сыном – моим ровесником, который, конечно, тоже плотно сидел на подобном дерьме, еще плотнее меня, потому что по нему было видно, что он нихрена не знает меры. Я понятия не имел, как его зовут, хотя мы иногда закидывались вместе. А на втором этаже они жили, должно быть затем, чтобы в бэдтрипе выпасть и ничего не сломать, не повредить. У них всего лишь пятиэтажка, знаете, советская такая, и, несмотря на такой, как любят говорить всякие, «образ жизни», всегда идеально чисто. Еще и все иглы стерильные, но мне на это плевать. Пока мать мне оставляет деньги, замечательно подозревая о том, куда они уйдут, я хожу сюда. И то ненадолго, но иногда приходится.

Из подъезда вышел прежде меня мужик, потирая кровавые костяшки, но тут это обычное дело. И я постучал в обычную деревянную дверь с номером «9» на ней, и мне открыл этот самый сын. У него как всегда был разбит нос, а в руках перекись. Он сначала посмотрел непонятно, а потом его будто осенило, и он улыбнулся ртом без нескольких зубов.

– Совсем про тебя забыл, думал, ты сдох, – сказал он, пока струйка крови стекала по его губе.

Он отошел от проема, я снял кроссовки и прошел сразу на кухню. Цветику было 50 (или около того) лет, и первое, что я увидел перед собой – покрашенные ногти на ногах в кислотно-розовый, и длинную сигарету, сжатую между пальцев.

– Давно вас не видать, – она подула на лак на пальцах, такой же розовый, и моргнула глазами с сиреневыми блестящими тенями.

– Вить, потяни ящик. Вам же как всегда?

Я отвел глаза наверх, слегка улыбнулся и пожал плечами.

– Секобарбитал?

– Пентобарбитал тоже, шесть.

– Наконец появились деньги? – она поинтересовалась просто так, ни для чего, лишь бы беседу завязать, прищурившись от дыма, – Виктор, что ты там копаешься, третье отделение! И вытри наконец нос, он кровоточит как сука в период течки.

Парень молча протянул мне таблетки, и я с чувством полного удовлетворения положил их в карман.

– Даже не останешься?

– Витя!

– Да, – удивленно протянул я. Меня только что посетило желание кинуть прямо сейчас и поскорей.

Я знаю, что иногда здесь нарики не выдерживают и вмазываются прямо тут, потому что у Цветика есть специальная для этого комната.

Витя снова улыбнулся и шмыгнул носом.

– Ну что, пойдём? – прошепелявил он. Тогда я молча прошел в дверь справа от кухни и сел на красный ковер. Пока что тут все – спальные по углам и голые стены с советскими обоями – все своих обыкновенных цветов. Через тридцать секунд здесь все станет в цвет ногтей Цветика. Настоящий кайф.

Витек перевязал руку повыше локтя, держа в зубах иглу, и стал бить двумя пальцами по венам. Спустя время высыпал порошок в ложку и стал греть на зажигалке.

– Ты как? – спросил он, – как сам?

– Нормально, – я ответил, сжимая в кармане таблетки.

– Семья, дети? – он посмотрел на меня. Не дождавшись реакции, он рассмеялся, таким гулким и гоповатым смехом, и набрал шприц. Согнул-разогнул локоть, вставил иглу, которая тут же медленно вошла в кожу. Выступила капелька крови, Витя запрокинул голову, его рот раскрылся и издал глухой стон.

– Реальное дерьмо, – выдохнул он и, не вынимая иглу, упал спиной на ковер. Я подождал с минутку, открыл упаковку и закинул таблетку. Сделал глоток. Это секобарбитал. Он действует довольно быстро, эффект длится около шести часов. Ингалятора нет, что довольно печально, но я точно знаю, что кидать здесь безопаснее, чем где бы то ни было, ведь кроме запрещенных у старушки есть лекарственные препараты. Я точно здесь не умру, меня точно здесь спасут. Пентобарбитал я оставлю, эффект их длится до двух часов, что, конечно, лучше, чем ничего, но этого мало, чтобы насладиться фиолетовостью этого мира. Витя потянулся правой рукой к магнитофону и нажал на кнопку. Видимо, кассета внутри него проигрывалась уже приличное количество раз. Играл Kawinsky – Nightcall, где-то с середины. Я закрыл глаза, перед которыми уже начинало все плыть.

Они помогают мне уснуть. Помогали раньше, сейчас они усыпляют, но не погружают в сон, совсем, ни капельки. Под ними я часто вспоминаю свою первую попытку самоубийства. Когда я вспоминаю ее, мне снятся кошмары, от которых я просыпаюсь в поту.

Я никогда не хотел осознанно покончить с собой. Мне, скорее, было интересно почувствовать боль, я всегда стремился ее себе доставить. Я, знаете, все, что мог, пробовал, – бычки себе об запястья тушил, бил татуировки иглой, ломал о стену костяшки, разбивал их в кровь, и руки у меня все в шрамах. Я давно прознал, что всем вокруг, понимаете, все равно, так что я сделаю? Если мне незачем было жить, то какая разница, что с собой делать, когда остальным-то наплевать. Потом это все стало мне скучно, и попробовать что-то серьезнее было бы здорово, – так я думал. Тогда я поехал на трамвае на другой конец города к поездам, закинув секобарбитал. Когда я был маленьким, с этой станции мы ездили на дачу, она тогда у нас еще была. И я смотрел вокруг на людей, держа в руках чипсы и колу. Кучки стариков толпились по бетонной платформе, огромное пространство вокруг, совсем немного забитое тяжелыми громадными поездами. И все такое «так себе». Потому что много места, которое даже не пытались заполнить, или пытались, но с неохотой, и темнеющие деревья расставили вдоль. И все, что тут слышно – предупреждающий звон и иногда гул поездов, кричащих, словно дети, издали. А я не держу маму за руку, а хмурюсь и продолжаю хрустеть чипсами. Я никогда бы тогда не подумал, несмотря на всю такую бессмысленную обстановку, что это место можно использовать как способ покончить разом. Но лет в 14 понял, что можно, отойдя от станции чуть подальше. Дачи больше нет, потому что мать ее продала. Под амиталом все совсем не так, вот что я вам скажу. Поодаль станции громоздкий, нависающий, но будто весом с пушинку, такой легкий мост с кучей рисунков и граффити на нем, вот вокруг ничего, только шоссе сверху, а рядом речка, и все яркое, бардовое. Все так быстро, и ветер все будто невидимое мотает из стороны в сторону, а мост бледно-розовый, а рельсы сиреневые, а в ушах наушники, а рядом трепещет кислотного цвета трава. Я включил любимую музыку, так обычно делают идиоты, разгуливающие таким образом бесцельно. Но мне было важно ничего не слышать, чтобы сохранить элемент неожиданности, нежданной смерти, ведь так интереснее. Перед этим я глянул на расписание, и прикинул, что электричка достигнет меня через примерно 15 секунд после отбытия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.